

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Двадцатипятилетняя история развития исследований норм в конструктивизме может быть представлена как попытка ученых-международников построить полноценную абстрактную модель интеракции между сторонами нормативного диалога. Если ранние модели «жизненного цикла» норм были призваны описать начальную фазу взаимодействия между Западом и остальным миром, то в рамках современной теории нормативной силы конструктивисты стремятся учесть и обратный эффект локальных сред на западный нормативный ландшафт. Часть из них решают данную проблему путем помещения в ядро их концептуального подхода категории идентичности в ее постмарксистском прочтении. Автор указывает на несовместимость моделей «жизненного цикла» и вышеуказанного направления теории нормативной силы по причине изначального антагонизма двух «материнских» школ мысли, из которых они происходят, — социологического институционализма и постмарксизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конструктивизм, международные нормы, нормативная сила, идентичность, постмарксизм.

Социальный конструктивизм сегодня заслуженно входит в ряд наиболее перспективных течений в теории международных отношений (ТМО), а исследования международных норм представляют собой значительную часть конструктивистского направления [1]. Несмотря на наличие большого числа концептуальных и эмпирических проблем этой области знания, одна из них стоит особняком. Уже около 25 лет ученые-конструктивисты пытаются построить полноценную абстрактную модель взаимодействия между сторонами нормативного диалога. И сегодня мы становимся свидетелями, возможно, решающего этапа этого исследовательского процесса.

На этапе с 1990-х гг. по первую половину 2000-х ученые трудились над описанием начальной фазы взаимодействия. Если нормативная интеракция включает в себя безостановочную циркуляцию международных норм между двумя и более инстанциями, то прежде всего необходимо уделить внимание трансферу правил и смыслов из точки А в точку Б. Исследованием процесса подобного рода занимались теоретики так называемых моделей «жизненного цикла» норм, где под пунктом А понимался универсалистский Запад, а под пунктом Б — локальные ценностные среды, национальные и региональные по своему масштабу. В рамках первой волны моделей [11, 15] «жизненного цикла» вышеуказанный трансфер описывался с позиции субъекта, вторая же [5, 17] сосредоточилась на реципиенте. Представив детальную характеристику начальной фазы процесса нормативной интеракции, конструктивисты не преуспели в изучении обратного эффекта локальных инстанций на Запад. Примерно с середины 2000-х гг. эстафетная палочка здесь передается исследователям теории «нормативной силы» [20, 8].

Ученые каждого из трех направлений внутри нее внесли свой вклад в построение абстрактной модели взаимодействия, однако ближе всех к решению подобной задачи подходят сторонники массового инкорпорирования категории идентичности в исследования норм [8, 13]. Тем не менее именно на этом этапе данная область знания сталкивается с теоретической развилкой, где каждый из выбранных путей сулит и широкие перспективы, и многочисленные опасности. Цель статьи — обозначить ключевые параметры этих маршрутов, а также их концептуальные и эмпирические преимущества и недостатки.

Дорога с односторонним движением: модели «жизненного цикла»

Продолжительный период времени международные нормы в ТМО понимались исключительно в позитивистском ключе как стандарт поведения для регулирования определенной сферы. В таком разрезе норма помещена в контекст теории рационального выбора, согласно которой акторы оценивают выгоды и альтернативные издержки того или иного решения. Идеационные факторы вроде идентичностей и норм, по замечанию Александра Вендта, оказываются внешними к процессу принятия решений [34, 394]. Например, в неореализме гегемон системы, опираясь на силовой ресурс, устанавливает правила ее функционирования, остальные же игроки вынуждены подчиняться, хотя их мнения относительно этих стандартов могут различаться [33]. С другой стороны, в неолиберализме нормы представляют собой ячейку институтов, смягчающих анархию международной среды [25]. Здесь акторы также предстают рациональными единицами, которые способны заметить преимущества кооперации при принятии решений. Все изменилось во время постпозитивистской революции в ТМО. Отныне нормы описываются как «интерсубъективные представления», включающие в себя множественные интерпретации участников системы. Более того, нормативный компонент включен в процесс принятия решений: актор, выбирая между возможными сценариями своих действий, уже обладает определенной ценностной картиной мира и исходит из нее при оценке того, что считает «действительностью» [10, 159].

Пересмотрев эпистемологические и онтологические основания категории «международная норма», конструктивисты энергично взялись за создание собственных концептуальных подходов. Как уже было обозначено выше, теоретики моделей «жизненного цикла» сосредоточились на описании начальной фазы интеракции — трансфера норм от субъекта к реципиенту. Первая волна теоретических построений подобного рода может быть названа универалистской. Ее представители акцентировали большую часть своего внимания на инстанции отправителя, оценивая вопрос об успехе переноса нормы в другую среду. Прежде всего это трехактная модель М. Финнемор и К. Сиккинк, которая состоит из зарождения нормы, ее широкой диффузии в системе МО («каскада») после преодоления «критической точки» и, наконец, интернализации, т. е. восприятия акторами того или иного правила как должного [11]. Особое внимание уделяется учеными первой волны фигуре распространителя нормы, или «антрепренера».

В подавляющем большинстве случаев эту роль берут на себя международные активисты — НКО и транснациональные сети [15], хотя в подобном качестве могут выступать и другие структуры. К концу 1990-х гг. первая волна подверглась критике за ценностно-обусловленную телеологию всего процесса, где либерально-демократические нормы в конце концов неизменно преодолевают сопротивление авторитарных режимов [1, 54]. Д. Чендлер [7] был одним из многих, кто в своих работах указал на эмпирические недостатки неолиберального миротворчества и построения государственности как в Европе, так и в странах третьего мира. Начало 2000-х гг. предоставило многочисленные случаи отторжения западных норм, что подорвало популярность прежних моделей.

Тем не менее внутри конструктивизма формировалась уже следующая, вторая волна «жизненного цикла». Ее авторы фокусировались в своих исследованиях на важности инстанции реципиента при трансфере нормы из Запада в локальные среды. Пожалуй, центральной моделью этого периода становится «локализация» А. Ачарии, в рамках которой описывается процесс смешивания универсального правила с местными смыслами [5]. В зависимости от позиций локальных акторов и соответствия внешней нормы уже существующему ценностному полю Ачария выделяет несколько маршрутов локализации [Там же, 251]. Идею гибридации нормативных ландшафтов можно назвать центральной и для концепции «вернакуляризации» С. Мерри [17]. Отныне роль реципиента в трансфере нормы не только учитывается конструктивистами, но и вовсе выдвигается на первый план.

Приняв во внимание воздействие и субъекта, и реципиента на исследуемый процесс, ученым удалось детально проработать модели одновекторного движения норм с Запада в остальные части земного шара. Однако вопросы обратного влияния ускользали от последовательной концептуализации исследователей международных норм. Эти подходы оказались теоретически несостоятельны, так как элементарно транспонировали логику предыдущих моделей на кардинально иной эмпирический материал. Например, в статье Э. Штайнхилпера модель «локализации» использована для объяснения влияния норм коренных народов на ценностный ландшафт США [31]. Вместо того чтобы заниматься кропотливой разработкой моделей обратного влияния, автор предпочел уйти от проблемы вовсе, смешав между собой предыдущие наработки нормативной теории. При этом теоретический вопрос выхода на уровень абстрактных моделей остается нерешенным.

Не выходя за границы логики «дороги с односторонним движением», классическая теория «жизненного цикла» к концу 2000-х гг. утратила прежнюю бурную динамику развития. Это отнюдь не значит, что перспективные конструктивистские модели не создаются вовсе. В частности, В. Сэндхольц и К. Стайлз в 2008 г. формулируют так называемую «циклическую теорию изменений» норм, добавив к концепту М. Финнемор и К. Сиккинк фазу свертывания международных правил [27]. Но все это не отменяет тех фундаментальных теоретических и, как следствие, эмпирических затруднений, с которыми сталкиваются исследователи конкретных нормативных диалогов при учете эффекта обратного влияния и анализе полноценного взаимодействия сторон. Именно поэтому в начале и середине 2000-х гг. в конструктивизме появляется и в геометрической прогрессии набирает

популярность теории «нормативной силы», открывая новые рубежи для изучения нормативной интеракции.

Три подхода теории нормативной силы к проблеме взаимодействия

В 2002 г. датский ученый И. Маннерс ввел в научный оборот термин «нормативная сила», понимая под нею «...способность формировать концепции “нормального...” в международных отношениях [20, 240]. Данное понятие изначально создавалось для оценки морального авторитета ЕС на мировой арене, поэтому Маннерс рассматривает этот термин в контексте политики европейской интеграции. Он выделяет пять ключевых либерально-демократических норм Евросоюза, четыре дополнительных, а также шесть способов их распространения на мировой арене [Там же, 242–245]. Теория нормативной силы сразу стала объектом горячих академических дебатов, прежде всего самого Маннерса с Т. Диезом [8, 21] относительно статуса концепта, способов оперирования им и присущих ему атрибутов. Кроме того, модель встретила со значительной критикой [14, 29] со стороны самых разных направлений и школ в ТМО за редукционизм, нормативизм и расплывчатые критерии идентификации. Отметим, что и российские исследователи не обошли вниманием теорию «нормативной силы». Так, Е. Павлова и Т. Романова из Санкт-Петербургского государственного университета провели важнейшее методологическое разграничение между концепциями «мягкой» и «нормативной силы» [3]. В свою очередь, Л. О. Игумнова [2] уже на эмпирическом уровне провела систематизацию тех способов, какими нормативная сила ЕС оспаривается в российском дискурсе.

Спустя несколько лет после зарождения этой теории сам И. Маннерс не без удовлетворения отмечал лавинообразный рост ее популярности [22]. Данный феномен может быть объяснен исключительно экстерналистскими причинами: начало и середина 2000-х гг. стали временем самого крупного расширения Евросоюза в истории. Тем не менее, как было показано выше, существовали и внутринаучные предпосылки для формирования новой теории объяснения нормативной интеракции акторов международной среды. Именно поэтому внутри академического дискурса о нормативной силе выделяются три направления, каждое из которых представляет собой отдельную специфическую попытку решить проблему взаимодействия.

Первое из них — исследования того, как нормативная сила ЕС функционирует в разных странах [18, 26] или регионах [6, 32]. Большинство таких работ построено по общим похожим схемам. Сначала автор фокусируется на реципиенте нормы и локальных особенностях ценностной среды, которые чаще всего препятствуют реализации универсалистского нормативного курса ЕС. Затем акцент переводится на субъект, Евросоюз, выявляются собственные противоречия его политики в этой сфере, характерные проблемы с инклюзией интересов неевропейских обществ, некая «нормативная высокомерность» ЕС. За счет подобного переключения фокуса с объекта на субъект (и наоборот — в ряде статей) достигается иллюзия анализа взаимодействия акторов. Однако главная теоретическая проблема оставалась нерешенной. Такой субъектно-объектный подход являет собой скорее

суррогат исследования взаимодействия, нежели полноценную модель ценностной интеракции. Более того, изучая нормативный курс ЕС в мире, представители данного направления не смогли подняться на уровень теоретической абстракции в своих работах. К примеру, ученые «жизненного цикла», в силу особенностей их моделей, смогли выйти на этот уровень еще в ходе «первой волны».

Параллельно указанному выше первому направлению развивалось и другое. Его представители стремились решить важнейший вопрос: возможно ли наличие нормативной силы не только у ЕС, но и у иных акторов международной системы? Примечательно, что почти все конструктивисты второго направления отвечали на этот вопрос утвердительно. В данных моделях носителями способности формировать категорию «нормального» у других акторов выступают и отдельные неевропейские страны Запада, например США [12], и представители условного «третьего мира» вроде Венесуэлы [4]. Среди наиболее популярных объектов для исследования среди ученых выделяется нормативная сила Китая [9], основанная, в разных версиях, на конфуцианских ценностях, суверенитете или особом формате выстраивания двусторонних отношений с контрагентом. Также не оказывается обойденным вниманием академического мира Россия [19] как распространитель собственных норм в международной среде. На полях заметим, что конструктивисты второго направления добились здесь лишь частичных успехов. С одной стороны, стало возможным и даже вполне конвенциональным рассматривать нормативную силу не только ЕС, но и иных акторов, с другой — до сих пор актуальны вопросы относительно эффективности их политик в этой области. Так или иначе, для нашей работы куда важнее другое.

Подобное течение в конструктивизме связано с попыткой описать нормативное взаимодействие самым непосредственным образом. Если носителями нормативной силы являются множество субъектов, в том числе незападных, то это предоставляет для академических исследователей уже не одностороннюю, а многовекторную карту нормативности в международной системе, а следовательно, открывает широкие возможности для учета обратного влияния периферии и полупериферии на универсалистскую метрополию и построения полноценных моделей взаимодействия. Без сомнения, второе направление изучения нормативной силы теоретически перспективнее первого, однако и внутри него существует несколько принципиальных проблем. Прежде всего, конструктивисты здесь часто заняты описанием трансфера норм или из одной части Запада в другую, или из стран полупериферии (Китай, Индия, Россия, Турция) в периферийные государства, когда региональный гегемон переформулирует западные категории в новом ключе для своих территориальных соседей. Здесь возникают по меньшей мере два замечания. Во-первых, как было упомянуто выше, эмпирически неочевидно, смог ли хотя бы один актор международной системы, кроме ЕС и, возможно, США, через свою нормативную силу успешно сформировать категорию «нормального» для других субъектов. Во-вторых, картина мира с нормативной силой у большого числа отдельных акторов — это редуccionистский набор, еще не сведенный в холистскую модель. Синергетический же эффект заключается в том, что системное качество несводимо к элементарной сумме ее элементов.

Наконец, третье и, забегая вперед, наиболее многообещающее направление в исследованиях нормативной силы отличается попыткой его представителей поставить на первый план категорию идентичности [8, 13]. Прежде чем перейти к нему, необходимо упомянуть несколько деталей. Изначально конструктивизм как школа в ТМО строился на равном внимании и к понятию норм, и к понятию идентичностей. Но в 1990-е гг. в связи со специализацией внутри конструктивистских теорий различные направления предпочитали создавать свои модели на базе либо одной категории, либо другой. Теоретики «жизненного цикла», разумеется, сфокусировались на нормах и правилах, идентичности же выступали в качестве вспомогательной категории. Очевидно, что при наличии большого числа других проблем именно описание интеракции выступает сильной стороной идентичности как эпистемологического концепта. В свою очередь, третье направление в изучении нормативной силы представляет собой пересмотр данной конвенции. Примечательно, что интерес к категории идентичности обозначен еще в первых работах Маннерса [21]. Затем, начиная с Т. Диеза [8], целый ряд исследователей выстраивает свои теоретические модели, помещая в их ядро термин идентичности. В работах подобного рода ЕС как Я или Эго в ходе интеракции с Другим утверждает свои свойства как «цивилизованного, прогрессивного и альтруистического» актора. Для исследователей этого направления общим местом является критическое отношение к подобной политике разделения и исключения Другого. Учитывая широкие возможности описания взаимодействия через профильную для этого категорию идентичности, перспективы третьего направления видятся как абсолютно блестящие. Однако у каждого подхода в теории существует и обратная сторона, учет которой поможет нам избежать игнорирования целого ряда скрытых теоретических «ловушек».

Теория международных отношений — это композитная область знания, и большинство терминов и понятий в ней образуются вследствие эпистемических интервенций из смежных наук. Исследования норм в конструктивизме не являются исключением. Изначальные концепции «жизненного цикла» представляли собой адаптированные под ТМО модели так называемой «теории мировой политики», «теории мирового общества» или «социологического институционализма». В рамках данной крупнейшей и влиятельной школы мысли ее представители во главе с Дж. Мейером изучают, каким образом западная культура с ее веберовской рациональностью распространяется по планете и демонстрирует сходные черты в разных точках земного шара, несмотря на локальные особенности в отношении коллективных ценностей [24]. Связь между теориями «жизненного цикла» норм и социологическим институционализмом открыто признается и последователями Мейера [28, 61]. С другой стороны, категория «идентичности» в ТМО также заимствована из смежных областей. При детальном анализе возможно выделить множество принципиально разных по своему происхождению и содержанию «идентичностей» в конструктивизме. Большинство прикладных статей в ТМО, используя категорию идентичности, обращаются к одной из конкретных традиций в социологии, социальной психологии или культурологии. Вследствие такого хода происходит непреднамеренный перенос некоторых достоинств и недостатков

исходных моделей из одной области знания в другую. Не проводя полномасштабного генеалогического обзора всего конструктивистского поля, отметим, что одна из интерпретаций идентичности образуется в результате синтеза постмарксизма Ш. Муфф и Э. Лаклау [16] и постколониальной теории [30], а затем — адаптации данного понятия к теории МО. Представители третьего направления теории нормативной силы прибегают именно к постмарксистской версии идентичности. Во многом это было связано со стремлением конструктивистов рассмотреть курс ЕС через призму постколониальной системы и гегемонии в ней западных стран.

Однако социологический институционализм как теория находится в антагонистических отношениях со всем спектром марксистских школ, в том числе с постмарксизмом [28, 68]. Выступая на единой площадке анализа нематериальной сферы политики, они расходятся как в аксиологическом измерении, так и в эпистемологии. Школа «мирового общества» по преимуществу не акцентирует внимание на системном насилии и эксплуатации. Для представителей этого направления незападные страны воспроизводят европейские и американские институты не в силу доминирования Запада в сфере образования смыслов и ценностей, а скорее из церемониальных соображений и так как на периферии системы они рассматриваются как эффективные [23]. Отсюда, в свою очередь, невосприимчивость теорий «жизненного цикла» к эмансипаторному пафосу левоориентированных по своей идеологии моделей.

Помимо этого постмарксизм и социологический институционализм предлагают элементарно разные модели познания. В рамках первого наиболее распространенным методом является исследование дискурса при избегании абстрактных моделей; второй, напротив, тяготеет к детальной систематизации при небольшом внимании к дискурсивной сфере. Разница подобного рода бросается в глаза даже при сопоставлении моделей «жизненного цикла» и нормативной силы, не говоря об их базовых теориях. И перечень различий на этом далеко не заканчивается, что приводит к неутешительному выводу для авторов исследований международных норм. Обращение к категории идентичности со стороны теоретиков третьего направления теории нормативной силы будет означать отказ от исследовательских наработок первых 15 лет изучения международных норм в конструктивизме. Трехактная модель М. Финнемор и К. Сиккинк, локализация А. Ачарии и прочие выдающиеся теоретические достижения органически не могут быть совмещены с концепциями, где идентичность находится в ядре академического подхода. Первые отбрасываются за ненадобностью. Однако стоит ли отказываться от уже сформированного теоретического базиса во имя возможных будущих достижений при невозможности синтеза моделей? Это открытый вопрос, ответ на который, по всей видимости, мы получим в ближайшее десятилетие.

Заключение. На теоретической развилке

Около 20 лет исследований международных норм в конструктивистском течении ТМО могут быть представлены как попытка решить главный вопрос этой области знаний: каким образом построить полноценную модель нормативного

взаимодействия сторон? Классические модели «жизненного цикла» во многом были призваны описать первую фазу интеракции, то есть трансфер нормы из универсалистского Запада в полупериферийные и периферийные страны. Оказавшись не в состоянии учесть обратный эффект воздействия локальных инстанций на метрополию, они уступили место теории нормативной силы. Конструктивисты, работающие в рамках этой теории, энергично приступили к решению проблемы интеракции. Внутри исследований нормативной силы можно выделить три направления, представители каждого из которых по-своему рассматривали этот главный вопрос. Теоретики наиболее динамично развивающегося третьего направления отмечают перспективы применения категории идентичности как профильного концепта для описания взаимодействия. При этом они прибегают к такой интерпретации данного термина, которая генеалогически отягощена наследием постмарксизма Ш. Муффа и Э. Лаклау. Однако подобная неограмшистская версия идентичности несовместима с классическими моделями «жизненного цикла» и базовой для нее школой социологического институционализма.

Сегодня исследования международных норм в конструктивизме находятся в точке бифуркации. Центральная для этой области знания концепция нормативной силы становится полем борьбы между двумя влиятельными «материнскими» теориями: постмарксизмом в союзе с постколониальными подходами, с одной стороны, и социологическим институционализмом — с другой. Выбор в пользу каждой из них скорее всего будет означать отказ от эпистемологических достижений второй в силу разности школ и моделей. По всей видимости, динамика развития конструктивистских исследований норм складывается в пользу инкорпорирования постмарксистской идентичности в нормативную теорию. Тем не менее у каждого выбора есть свои достоинства, недостатки и последствия. И в ходе дальнейшей сложной работы над созданием полноценной модели интеракции конструктивистам будет полезно помнить о том генеалогическом наследии, которое неотделимо от постмарксистской интерпретации идентичности.

---

1. Бакалова Е. Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека: От генезиса, признания и соблюдения к нарушению, оспариванию и эрозии // *Международ. процессы*. 2015. № 1(40). С. 48–67.

2. Игумнова Л. О. Критика нормативной силы Европы в России // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение*. 2014. С. 122–133.

3. Павлова Е. Б., Романова Т. А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // *Полис. Полит. исслед.* 2017. № 1. С. 162–176.

4. Павлова Е. Б. Теория нормативной силы: случай Латинской Америки // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2014. № 1. С. 94–112.

5. Acharya A. How Ideas Spread: Whose Norms Matter? Norm Localization and Institutional Change in Asian Regionalism // *International organization*. 2004. № 2. P. 239–275.

6. Bicchieri F. 'Our size fits all': normative power Europe and the Mediterranean // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 286–303.

7. Chandler D. Democratization in Bosnia: The Limits of Civil Society Building Strategies // *Democratization*. 1998. № 4. P. 78–102.

8. Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe // *Millennium*. 2005. № 3. P. 613–636.

9. *Erthal Abdenur A.* Emerging powers as normative agents: Brazil and China within the UN development system // *Third World Quarterly*. 2014. № 10. P. 1876–1893.
10. *Finnemore M.* Constructing Norms of Humanitarian Intervention // *The Culture of National Security: Norms and identity in World Politics* / ed. by P. Katzenstein. N. Y., 1996.
11. *Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // *International organization*. 1998. № 4. P. 887–917.
12. *Hamilton D. S.* The United States: A normative power? // *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners* / ed. by N. Tocci. Brussels, 2008.
13. *Haukkala H.* The European Union as a regional normative hegemon: The case of European Neighbourhood Policy // *Europe-Asia Studies*. 2008. № 9. P. 1601–1622.
14. *Hyde-Price A.* 'Normative' power Europe: a realist critique // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 217–234.
15. *Keck M. E., Sikkink K.* *Activists beyond borders: Advocacy networks in international politics*. Ithaca, 2014.
16. *Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. L., 2001.
17. *Levitt P., Merry S.* Vernacularization on the Ground: Local Uses of Global Women's Rights in Peru, China, India and the United States // *Global Networks*. 2009. № 4. P. 441–461.
18. *Loda C.* The European Union as a normative power: the case of Armenia // *East European Politics*. 2017. № 2. P. 275–290.
19. *Makarychev A. S.* Rebranding Russia: Norms, Politics and Power // *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners* / ed. by N. Tocci. Brussels, 2008.
20. *Manners I.* Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? // *JCMS: Journal of common market studies*. 2002. № 2. P. 235–258.
21. *Manners I.* Normative power Europe reconsidered: beyond the crossroads // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 182–199.
22. *Manners I.* Sociology of knowledge and production of normative power in the European Union's external actions // *Ibid.* 2015. № 2. P. 299–318.
23. *Meyer J. W., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of sociology*. 1977. № 2. P. 340–363.
24. *Meyer J. W.* World society and the nation-state // *Ibid.* 1997. № 1. P. 144–181.
25. *Moravcsik A.* Preferences and power in the European Community: a liberal intergovernmentalist approach // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 1993. № 4. P. 473–524.
26. *Pardo S.* *Normative power Europe meets Israel: perceptions and realities*. Lanham, 2015.
27. *Sandholtz W., Stiles K.* *International Norms and Cycles of Change*. N. Y., 2008.
28. *Schofer E., Hironaka A., Frank D. J., Longhofer W.* Sociological institutionalism and world society // *Political Sociology* / ed. by E. Amenta, K. Nash, A. Scott. Hoboken, 2012.
29. *Sjursen H.* What kind of power? // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 169–181.
30. *Spivak G. C.* Can the subaltern speak? // *Can the subaltern speak? Reflections on the history of an idea* / ed. by R. C. Morris. N. Y., 1988.
31. *Steinhilper E.* From “the Rest” to “the West”? Rights of Indigenous Peoples and the Western Bias in Norm Diffusion Research // *International Studies Review*. 2015. № 4. P. 536–555.
32. *Voloshin G.* *The European Union's normative power in Central Asia: promoting values and defending interests*. Basingstoke, 2014.
33. *Waltz K. N.* *Theory of international politics*. Boston, 1979.
34. *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // *International organization*. 1992. № 2. P. 391–425.

Рукопись поступила в редакцию 9 июня 2019 г.